

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО И МЕННОНИТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ

М.Э.Кавун

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА В ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА КОЛОНИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ НОВОРОССИИ В РАННЕМОДЕРНОВУЮ ЭПОХУ

В статті проаналізована проблема ролі іноземного елементу в структурі колонізаційно-урбанізаційного процесу в Новоросії на ранньомодерному етапі (XVIII – середина XIX ст.). Пропонується розглядати регіон Північного Причорномор'я як частину великого східноєвропейського фронтеру. Відповідно процес колонізації Російською імперією Північного Причорномор'я необхідно досліджувати під кутом зору культурних конфліктів і компромісів у процесі взаємодії різних культурно-ідентичнісних структур. Зроблено спробу окреслити роль іноземної колонізації в контексті протиріч урядової колонізації та культурної еволюції регіону в цілому.

История Новороссии пока еще не вписана адекватно ни в историю самой Российской империи, ни в мировой исторический процесс XVIII-XX вв., ни в историю украинского государства. В начале XX в. для понятия «Новороссия» было характерно довольно обширное трактование – зачастую так называли весь обширный южнорусский регион, вплоть до берегов Каспийского моря¹. Под Новороссией в данной статье понимается северная часть Причерноморского региона, вошедшая в состав Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. и имевшая в XIX в. официальное название «Новороссийский край».

На сегодня можно констатировать наличие трех историографических пластов, репрезентующих историю Новороссии. Первый пласт, включающий в себя литературу имперского времени, является а) более информативным, чем аналитическим, и б) апологетическим в большей своей массе, поскольку речь шла о современных, или не столь отдаленных от времени написания авторами своих текстов, процессах; кроме этого тексты носят отчетливо «внутренний» характер, так как писались с точки зрения российского имперского дискурса². Исключение составляют тексты описательного характера, созданные иностранными авторами. Второй пласт текстов – тексты советской эпохи, сочетающие в себе ревизионируемый имперский дискурс с советским имперским дискурсом. Применительно к Новороссии сам регион изображается либо объективистски-географически как «Северное Причерноморье», либо уже как «Южная Украина», соответственно индекс проимперского пафоса существенно снижен, однако в целом фактологическая канва событий представлена традиционно. Отметим, что сам термин «колонизация» заменен сложносоставным термином «заселение и хозяйственное освоение». Следует выделить концептуальные комплексные работы Е.И.Дружининой³, В.М.Кабузана⁴, отдельно В.И.Тимофеенко⁵ (урбанистическая история). Третий пласт текстов, относящийся уже к постсоветской эпохе, демонстрирует: 1) полный отказ от построения синтетических картин региональной социокультурной истории, т.е. тексты фундаментального характера отсутствуют вообще; 2) стремление существенно снивелировать саму роль имперского фактора в колонизации и урбанизации Новороссии, термин Новороссия почти не употребляется. В целом современный этап отвечает процессу деконструкции имперской символической и мифологической систем применительно для данного региона. Однако, на наш взгляд, пока ни один альтернативный конкурентоспособный системный взгляд не предложен, интерпретации остаются преимущественно на локально-краеведческом уровне (история отдельных городов и т.п.), что, в свою очередь, не замедлило сказаться на новой востребованности классических работ Е.И.Дружининой, В.М.Кабузана и др.

Цель данной работы – продемонстрировать горизонты исследования колонизации и урбанизации Новороссии XVIII-XIX вв., в том числе проблемы роли иностранного элемента, на основе спектра современных методологий. Задача работы – способствовать адекватному вписыванию региональной истории Новороссии XVIII-XIX вв. в контекст истории Российской империи, при этом не исключая из поля

зрения круг национальных постимперских историй. В первую очередь необходимо выделить круг проблем, рассматриваемых в настоящей статье. 1. Суть самого процесса колонизации и урбанизации Новороссии в широком геокультурном контексте. 2. Специфика колониационного процесса в раннемодерновый период, и что считать раннемодерностью для Новороссии. 3. Что понимать под понятием «оптимизация колониационного процесса» применительно к новороссийской региональной реальности. 4. Роль иностранного элемента в оптимизации колонизации и урбанизации Новороссии в раннемодерновый период.

1. Колонизация Северного Причерноморья в контексте парадигмы фронта. Колонизация региона в российской историографии традиционно рассматривалась на фактологическом позитивистском уровне как одно из направлений российской колониационной экспансии XVIII-XIX вв. Целостная картина этого процесса до сих пор не создана. Последние по времени попытки создания системных работ относятся к 1950-1970-м годам, построены исключительно на позитивистской методологии, к тому же доминирует социально-экономическая направленность. Традиционно имел место также фактор идеализации и апологетизации имперского фактора. Работы западных авторов, посвященные комплексному анализу истории Новороссии, нам неизвестны. В то же время выделяются своим уровнем исследования отдельных аспектов колонизации, например, экономической и социокультурной истории Одессы⁶.

Основная историографическая проблема для данного региона – это то, что исторический регион Новороссии не стал полноценной, полноправной «историографической единицей» ни в историографии Российской империи, ни в кругу национальных постимперских историй. Регион Северного Причерноморья – Новороссии – Южной Украины плохо узнаваем и трудно идентифицируем в имеющихся на сегодня и вновь создающихся картинах глобального, российского, украинского исторического процесса. Работы отечественного происхождения выполняли внутренний социальный заказ, соответственно, в эпоху железного занавеса недостаточно коррелировались с мировыми императивами историописания. Поразительно, но в трудах западных авторов исторический (в первую очередь для XVIII-XIX вв.) регион «Новороссия» фигурирует чаще, чем в работах отечественных (российских и украинских) исследователей. Связано это с тем, что советская историография вместо адекватного постижения особенностей регионального исторического процесса стыдливо двигалась по

пути отказа от самого термина, а национальные современные истории и вовсе пытаются отказаться от понятия «Новороссия», едва ли не вычеркивая целый историко-культурный пласт.

Автор настоящей статьи считает, что имперскую колонизацию Новороссии (особенно это касается раннего периода до середины XIX в.) можно и необходимо рассматривать как просвещенческий культурно-географический проект на цивилизационной карте Восточной Европы⁷, в широком контексте геокультурного моделирования, сложения культурных векторов различных геокультурных систем, и в результате, территории конфликтов и компромиссов этнических и культурных идентичностей по линии «культурный синтез – синкрез». Новороссия в такой парадигме понимается, в первую очередь, не только как «географический регион» или «историко-административный регион» как географический сегмент Северо-Причерноморского региона, а как «культурный регион», охватывающий результат одного из восточноевропейских культурно-колонизационных проектов XVIII – начала XX вв., с доминирующим участием Российской империи.

Границы этого культурного региона неоднократно менялись в соответствии с трансформациями конфигураций имперского географического тела. К исследованию Новороссии подходит концепция ментальных карт или воображаемой географии⁸. Новороссия относится к типу «культурных реальностей», первично воображаемых регионов на ментальной карте, частично реализовавшихся в действительности, в соответствии с культурным напряжением того дискурса, который выступал фактором формирования такой реальности. Новороссия как органическая часть российского гео-культурного дискурса, возникшая на стыке просвещенческой имперской и российской колонизационной парадигм, длительный отрезок времени накладывалась параллельно на существовавшие уже здесь до этого культурные реальности, приходя с ними в противоречивое взаимодействие. В то же время Новороссия с самого начала формирования как культурная реальность являлась частью трех культурных ареалов – континентального русского – российского; циркумчерноморского, тяготеющего к восточно-средиземноморскому ареалу; и восточноевропейского (в широком смысле – европейского).

Еще один немаловажный аспект состоит в угле зрения на колонизационный процесс в Новороссии как «конфликт культурных реальностей» с учетом пограничного, фронтального положения этой зоны на мировой карте⁹. Процесс взаимодействия различных культурных (колонизационных и урбанизационных) парадигм приводил к

противоречивым результатам, а именно наложения и сосуществования различных культурных реальностей как в хрональном, так и в географическом измерениях. Необходимо также обязательно учитывать наличие европеизационного вектора в колонизации Новороссии.

2. Специфика раннемоdernности для Новороссии. Историю региона традиционно принято делить на два макропериода, границей между которыми является начало широкого промышленного освоения («индустриального бума») в 1880-х гг. Особенно отчетливо эта граница заметна в историческом развитии степной зоны (Екатеринославщина и сам Екатеринослав – ныне Днепропетровск). Следует отметить, что проблематика модернизации региона практически не разработана в историографии, особенно это касается XVIII-XIX вв. Сильно затрудняет рассмотрение проблемы необходимость коррелировать региональную специфику с общеимперскими процессами, а проблематика «российской имперской модернизации» с культурологической точки зрения разрабатывается также слабо. Однако можно выделить такие тенденции на материале Новороссии: 1) модернизация региона изначально являлась «догоняющей» и в плане культурного вектора была сопряжена с европеизацией; 2) имперская политика века Просвещения, с которой началась колонизация Новороссии, дала мощнейший культурный импульс, по сути дела задав модернизационный вектор, однако не сумев в первой половине XIX в. удержать «культурную планку», что привело в указанный период к кризисным тенденциям, характеризуемым нами как «колониационная инерция» или «колониационная стагнация».

Внутренний потенциал имперской колонизации и урбанизации все же ясно проявил себя, в частности, в формировании нескольких урбанистических центров метропольного и регионального типа, созданных по европейской градостроительной и культурной матрице нового времени (Екатеринослав, Одесса, Симферополь, Севастополь, Николаев, Херсон и др.). Во второй половине XIX в. именно они станут главными инкубаторами модернизации Новороссии, превращения ее в самый экономически развитый регион Российской империи.

Учитывая вышеизложенное, ранний период имперской колонизации Новороссии (до 1860-1880-х гг.) имеет все основания называться раннемоdernным. Основной проблемой для этого этапа является оптимизация колониационного процесса, в нескольких аспектах – административном, идеологическом, социально-демографическом, экономическом, культурном.

На наш взгляд, именно в сложный процесс преодоления «колониционной инерции» в Новороссии в первой половине XIX в., отчетливо проявились плюсы и минусы модели имперской колонизации региона, так же, как в это время стали все отчетливее проявляться сами результаты имперской колонизации – т.е. реальные черты новой геокультурной общности, сформированной под покровом имперских принципов, но со значительной «примесью» европейских идей, имевшей значительный модернизационный потенциал и перспективу участия как отдельного субъекта в европейских процессах. Главное противоречие истории Новороссии – империя, породившая это культурное тело, то стимулировала, то тормозила региональное развитие, прямо пропорционально степени участия в европейских и глобальных процессах.

3. Очень сложным является **вопрос о критериях «оптимизации» колониционного процесса** на восточноевропейском степном фронтире, одним из участков которого являлась Новороссия. В данном случае автор исповедует императив европеизации и модернизации, а также включения региона в максимальное широкое культурное и экономическое пространство. Т.е. для нас таким первичным критерием является европеизм и глобализм.

Оптимизация могла осуществляться тотальным порядком – т.е. через принципы организации колониционного процесса, через центральные имперские структуры. Однако она могла осуществляться и частным порядком – когда в роли агентов оптимизации и гармонизации выступали отдельные этно-культурные группы и отдельные личности.

Новороссия на полтора столетия стала «территорией возможностей» и грандиозных градостроительных, промышленных, культурных экспериментов, сравнимых разве что или с историей колонизацией американского Запада¹⁰, или с последующей советской реальностью.

С точки зрения постановки проблемы оптимизации колониционного процесса важно отметить, что в истории развития Новороссии проявились цивилизационные концепции «клубы» и «котла». На наш взгляд концепция «клубы» появилась именно в первый, раннемодерновый период, когда в пространстве интенсивного межкультурного взаимодействия (в условиях несколько ослабевшей силы имперского тотального культурно-колониционного дискурса применительно к региону и «колониционной стагнации») имели возможность вызревать различные культурные феномены, подчас

недостаточно еще оформившиеся, проявившие себя в более поздний период. Таким урбанистическим феноменом является, в частности, Екатеринбург. В период «индустриального бума» конца XIX – начала XX в., когда ритм регионального развития стал намного интенсивнее, заработал на полную мощность колонизационно-модернизационный котел, в котором переплавлялись различные культурные артефакты от предшествующих периодов. Забегая вперед, можно отметить, что парадигма «котла» работала и в период Революции и Гражданской войны, и в период советских экспериментов 1920-1930-х гг.

С точки зрения проблемы «оптимизации» для первого, раннемодерного этапа колонизации Новороссии (этап «колонизационной клумбы»), критерием оптимизации выступают, на наш взгляд, действия, направленные на максимально органичное культуртрегерство в мультикультурном пространстве, т.е. появление и установление (фиксацию) максимального числа разнокультурных феноменов. Иными словами, агентами оптимизации выступают агенты оптимального культурного действия.

В этой концепции роль иностранного элемента выглядит особенно интересной и значительной. В таком случае агентами оптимизации выступают личности, в деятельности которых проявилась наиболее органичная корреляция между полученным от природы психогенотипом культурного действия и приложением этого действия в колонизируемой фронтальной реальности.

4. Роль иностранного элемента в новороссийской «колонизационной клумбе». Мощная колонизационная волна, исходившая со стороны Российской империи, начавшая набирать силу во второй половине XVIII в., кардинально изменила ход и темпы культурной эволюции региона. В процессе культурного строительства Новороссии граница между понятиями автохтонности и «иностранности» все более деформировалась. Поэтому, на наш взгляд, следует отказаться от термина «иностранная колонизация» применительно к Новороссии, называя конкретные этнокультурные общности. Такой объективистский подход дает возможность наиболее адекватно понять и прочувствовать сущность колонизационного процесса.

Категория «иностранность» употребительно к колонизации Новороссии конца XVIII – середины XIX вв. может иметь очень противоречивые толкования, так же, как и «автохтонность». Понятие «иностранность» и его производные могут употребляться и в этническом, и в культурно-идентификационном смысле, а в условиях фронтальной зоны (да еще и находящейся в процессе интенсив-

ной модернизации) эти понятия едва ли не противоположные. Традиционные интерпретации «иностранности» учитывают, прежде всего, территориально-географический фактор происхождения, однако игнорируют всю ментальную и культурную географию и ее диалектику в процессе колонизации, качественные изменения культурно-идентичностных структур в процессе культурных переходов, в частности, от домодерна к модерну.

Исследуя модернизацию новороссийского региона, его вхождение в модерную цивилизацию, необходимо учитывать «культурные пределы», процесс интенсивного культурного форматирования его под имперским покровом с конца XVIII в., когда формировались качественно новые, отличные от предыдущего исторического опыта, культурные структуры (в частности, территориально-экономическая структура, вся сеть населенных мест и особенно города). В таких условиях традиционные этнические характеристики и поведенческие стратегии часто утрачивали свой императив и действенность; напротив, заново заданные или принятые механизмы аккультурации наращивали свою энергетику. Данная тенденция особенно заметна в условиях формирования городской культуры и устойчивой городской традиции в Новороссии (ведь феномен современной городской традиции сформировался в регионе именно под имперским колонизационным покровом, т.е. в то время, когда Северно-Причерноморский регион, собственно, и был Новороссией).

Несколько провокационно, однако реалистично в культурном плане может прозвучать декларация «иностранцев» в Новороссии двух видов: «новые иностранцы» и «старые иностранцы». Такое деление отражает механизмы культурной колонизации Новороссии XVIII – первой половины XIX вв. и закладывавшиеся с их помощью культурно-идентичностные конфликты. Под первыми можно понимать этнические и культурные группы, не имевшие до этого опыта компактного проживания на данной территории (скажем, немцы, албанцы, сербы и др.). Под второй группой можно понимать этнокультурные общности, имевшие до российской имперской колонизации традицию расселения в Причерноморье (скажем, запорожские казаки, татары, ногайцы, греки, евреи и др.). Еще более провокационно, однако реалистично может прозвучать тезис о «внутренне-региональной» культурно-географической диалектике, о том, что на локальном и микрорегиональном уровнях в Новороссии существовали территории, где русские и украинцы также являлись и чувствовали себя скорее иностранцами, чем автохтонами, например, в Крыму.

Культурные конфликты в раннемодерной Новороссии можно рассматривать в двух плоскостях: 1) «макроконфликт» между новой культурной реальностью, которую формировала российская имперская колонизационно-урбанизационная политика, и культурными реалиями предыдущих эпох, т.е. конфликт между разными культурно-цивилизационными слоями; конфликты внутри нового культурного слоя, среди проводников и объектов новой культурно-цивилизационной политики.

Рассмотрим глубже второй тип конфликта и более конкретно, роль немца как субъекта колонизации Новороссии. Верховным проводником колонизационной политики выступало, естественно, российское имперское государство и его административные структуры. Парадигма колонизации Новороссии генетически восходила к просвещенческим культурным императивам, кроме этого здесь примешивался целый пласт греческо-средиземноморских аллюзий. Новороссии предназначено было стать связующим звеном между российской и средиземноморской цивилизациями.

Конструируя Новороссию, имперская Россия, возможно, недостаточно осознавая культурные риски, с самого начала взвалила на себя архисложную ношу культурного модулятора, взявшегося формировать культурную клумбу из массы различных культурных агентов. Причем, на смешанной культурной матрице (собственно российский колонизационный дискурс, опробованный до Новороссии, и европейская культурная стратегия века Просвещения, агентом которой выступила Екатерина II). Конечная результативность проекта «Новороссия» может быть поставлена под сомнение, учитывая прекращение его существования (но не его результатов) в начале XX в. Однако если судить по базовым культурным характеристикам (например, продвижение такого явления как урбанизация), а также последующую востребованность результатов «новороссийского проекта» в структуре колонизации и урбанизации Юго-Востока советской Украины, то «новороссийский проект» нельзя не признать эффективным.

Западноевропейскому сегменту и, особенно, немецкому населению, в культурных конфликтах и компромиссах на северо-причерноморском пространстве принадлежала изначально оригинальная роль. В процессе взаимодействия условно «автохтонного» и условно «инострannого» элемента происходил конфликт понимания и внедрения имперских колонизационных принципов под идеологическим покровом просвещенческих идей. Европейцы как непосред-

венные носители культурного психогенотипа были лучше подготовлены для осознания и перенимания основных культурных идей политики Екатерины II и, соответственно, добивались большего успеха в проведении такой политики. Поскольку колонизация, и особенно урбанизация Новороссии с самого начала осуществлялась (по крайней мере, декларативно) согласно европейским просвещенческим стандартам, то зачастую проявлялась тенденция, когда «иностраный» элемент гораздо эффективнее подвергался и проводил такую колонизацию, нежели «автохтонный» элемент, который зачастую оказывал пассивное сопротивление общеимперской колонизационной политике эпохи Екатерины.

Довольно часто именно «автохтоны», представители традиционных культурных практик доколониационного и домодернового периодов, оказывались в процессе аккультурации менее успешными в принятии новых «правил культурно-колонизационной игры», чем их новоиностранные «коллеги» по процессу колонизации Новороссии, и таким образом, первые становились в своем же доме едва ли не чужими, или чувствовали очень ощутимый дискомфорт, становясь «старыми иностранцами», что довольно часто вело к маргинализации. В то же время, когда представители европейских народов приезжали осваивать Новороссию по заданным идеологией имперского просвещения (которой руководствовалась Екатерина II) принципам, они сразу принимали «правила игры» на новом месте. А это, учитывая ментальный стереотип колониста в целом, вело к тому, что качественное значение участия «новых иностранцев» в процессе колонизации Новороссии явилось значительно шире их количественной доли в структуре населения региона.

Иностранцы, в первую очередь европейцы, сразу же оказались перед колонизационной дилеммой «аккультурация – ассимиляция», что явилось зачастую стимулятором культурной активности. Степные плохо заселенные пространства Новороссии угрожали размыванием многих культурных признаков, что заставляло инокультурное население, скажем, немцев или меннонитов, изначально держаться обособленно, образуя если не обязательно географический, то практический всегда культурный анклав.

Интересно отметить, что в Новороссии могло иметь место и такое явление, как «русский иностранец». Приехавшие из внутренних губерний страны, «автохтонные» с точки зрения имперской идентичности, великороссы, а также малороссы с правобережных и левобережных губерний, не обязательно хорошо приживались в новых мес-

тах, сполна ощутив внутренние «правила игры» фронтальной зоны, особенно нахождение в перманентно конкурентной и очень динамичной социокультурной среде. Практически весь период российской колонизации Новороссии исторический ритм регионального развития был существенно интенсивнее, нежели во многих «внутренних губерниях» России; и это могло породить наличие проблем с аккультурацией у некоторых представителей, как принято говорить, титульной нации.

Пользуясь случаем, необходимо отметить, что для исследования колонизации Новороссии в целом, на наш взгляд, не эффективен подход экстраполяции современных этнических структур на исторический процесс XVIII-XIX вв., т.е. вписывание истории Новороссии в формирующиеся современные национальные исторические дискурсы русских и украинцев – путем вычленения из совместной «культурной корзины» опыта, понимаемого как национально русский или украинский, или же значительной редукции этого коллективного опыта.

Необходимо адекватное восприятие коллективного историко-культурного опыта регионального развития. Скажем, при анализе этнодемографической структуры населения и культурных практик, необходимо учитывать, что, с точки зрения господствовавшей идеологии в Российской империи, титульной нацией являлась «триединая нация» (великороссы, малороссы и белорусы), а становление собственно украинской идентичности (понимаемое современной украинской историографией как «национально-освободительное движение») пришлось уже на модерный период второй половины XIX – XX веков. Также субэтнические варианты идентичности (запорожские казаки, etc.), малороссийскую идентичность, с украинской идентичностью XX в. и т.д.

На раннемодерновом этапе в развитии культурных идентичностей в Новороссии можно выделить следующую тенденцию, своеобразный культурный синдром. В эпицентрах формирования новой культурной реальности, в первую очередь, в городах, разделение по этнонациональному признаку, видимо, получило меньшее значение, чем разделение по общекультурному вектору (модернизация) и социальной иерархии того времени. Изначально культивировавшаяся имперским правительством мультикультурность значительных городских центров (Екатеринослав, Одесса, etc.), проводила главные линии культурной дифференциации не по национальным, а по культурным признакам. Примечательно, что, например, в топографии

раннего Екатеринослава, вообще отсутствует четкое деление на этнонациональные анклав.

На начальном этапе колонизации Новороссии культуртрегерская парадигма выразилась в наличии слоя «просвещенных» колонистов, которые адекватно восприняли просвещенческий культурный дискурс и стали его активными проводниками. Можно называть этих людей «имперскими культуртрегерами», хотя это было бы не совсем справедливо по отношению к представителям иных культур, скажем, оказавшихся в ареале интенсивной имперской колонизации.

Можно поставить вопрос: где находились «пределы возможного» для сохранения и развития собственной культурной идентичности для «нового иностранца» в Новороссии, в том числе европейца, принявшего императивы российской имперской колонизации? Поскольку Новороссийский регион изначально колонизовался на принципах мультикультурности, то ассимиляция могла происходить только на основе слияния в один имперский субстрат, чего в реальности не произошло из-за противоречий самой имперской политики. Зато что касается аккультурации, то новороссийская реальность демонстрирует нам целый спектр отдельных возможностей и моделей – от чисто формального перенимания норм другой культуры, до осознанного изменения культурных ролей.

Довольно ярко в Новороссии проявилась следующая аккультурационная модель – «просвещенный иностранец – колонизатор на службе империи». Иностранцы как непосредственные носители культурного психогенотипа колонизационных идей, близко понимавшие идеалы европейского просвещения, оказавшись в новороссийском степном фронтире перед угрозой сохранения своего культурного баланса вообще, часто поступали на государственную службу и становились очень активными и эффективными проводниками имперской политики – реализовывая сразу две идеи – колонизацию как таковую и европеизацию. Часто второй компонент проявлял себя даже тогда, когда сама имперская политика, оказавшись в условиях инерции, теряла адекватность.

Примером такой персоны предстает начальник канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края князя М.С.Воронцова и затем екатеринославский губернатор А.Я.Фабр (1789-1863). Немец – чиновник на службе империи – уже на закате лет оказался в эпицентре полускрытого культурного конфликта, связанного с недостаточной завершенностью заложенного в конце XVIII в. урбанистического проекта регионального значения – Екатеринослава. Будучи «началь-

ником губернии» с 1847 по 1857 г., Фабр, восприняв генеральный план города, апеллировавший к классицистическому западноевропейскому и американскому опыту, сделал все возможное, дабы стимулировать реконструкцию города именно в этом направлении. «Екатеринославский Ришелье» выступил «двойным культуртрегером» – по российскому имперскому и европейскому современному культурным векторам – в данном конкретном случае эти два вектора совпали, и это совпадение породило окончательное становление, стабилизацию Екатеринослава как урбанистического феномена. На момент активности Фабра, его инициативы были восприняты большинством жителей не совсем адекватно, как «чуждачества» и прививались фактически силовыми методами. Лишь впоследствии, в конце XIX в., завершенная усилиями Фабра европейская конструкция планировки и вообще «урбанистический каркас» Екатеринослава стали восприниматься сами по себе уже как культурная данность и императив.

Фигура А.Я.Фабра, таким образом, являет пример деятельного «просвещенного немца – культуртрегера» – и в то же время пример первичной аккультурации для иностранца как агента российской имперской администрации на пространствах Новороссии.

В целом же западноевропейцы и немцы стали одними из главных промоуторов колонизации Новороссии, так как в данном случае были сразу подсознательно или осознанно вооружены европейским культурным дискурсом. Им не пришлось проходить, как большинству «автохтонов», через двойную культурную трансформацию – т.е. сначала усвоение базовых идеалов «просвещенной» личности в российской имперской рецепции, а затем уже становиться проводниками колонизационной политики. В случае с немцами здесь уже наличествовали первоначальные базовые культурные установки западноевропейского Просвещения. Даже больше – западноевропейцы и, в частности, немцы проявили себя как своеобразный демпфер – смягчающий противоречия имперской колонизации Новороссии в ранне-модерновую эпоху, в первую очередь, с учетом колонизационной инерции, с полной силой проявившейся в первой половине XIX в.

В ранне-модерновую эпоху множество усилий «новых иностранцев» в Новороссии было затрачено на преодоление скрытых и открытых культурных конфликтов, вызванных недостаточно органичной политикой совмещения европейских и российских рецепций просвещенческих культурных идеалов и совокупного проецирования их на северо-причерноморскую реальность. Главным таким конфликтом, как нам кажется, стало все более нарастающее противоречие мульти-

культурности Новороссии и российской имперской идентичности, вступившей в пору промышленной модернизации конца XIX – начала XX в. в полосу затяжного культурного кризиса.

В условиях роста панславистских настроений, во второй половине XIX в., понимание первоначальной культурной специфики региона и просвещенческой программы колонизации Новороссии в значительной мере было утрачено. Новороссия не превратилась в европейский мультикультурный регион, и в то же время не пришла к культурной однородности хотя бы за счет аккультурации на платформе общей имперской идентичности, по причине сильных внутренних противоречий и недостаточно высокой эффективности имперской культурной политики. Это стало главной причиной деформации культурного проекта «Новороссия» и прекращения его существования на идеологическом уровне с прекращением существования Российской империи в начале XX в.

Новороссийский имперский проект «догоняющей европеизации» и «догоняющей модернизации» сменился советскими культурно-колониационными практиками, где идеология «новороссийского проекта» подсознательно сохраняла свое значение. Результаты колонизации Новороссии довольно органично вписались в новое советское культурно-историческое пространство. Особенно это касается сети городских поселений – главного продукта имперской колонизации Новороссии – которая и в имперской, и в советской региональной структуре имела доминирующее значение. Тенденции советской колонизации Причерноморья в значительной мере сохранили матрицу предыдущего проекта – совокупное действие российского колониационного дискурса и модернизационный вектор. Таким образом, результаты колонизации Новороссии живы и поныне, и оказывают активное влияние на современный исторический процесс в Северном Причерноморье.

Примечания

¹ См.: *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга* / под ред. П.П.Семенова-Тян-Шанского. – С.Пб., 1910. – Т. XIV. Новороссия и Крым.

² См., например: *Багалец, Д.И.* Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. Оттиск из «Киевской старины» / Д.И.Багалец. – К., 1889.

³ *Дружинина, Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года: Его подготовка и заключение / Е.И.Дружинина. – М., 1955; *Дружинина, Е.И.* Северное Причер-

номорье в 1775-1800 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1959; Дружинина, Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1970; Дружинина, Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. / Е.И.Дружинина. – М., 1981.

⁴ Кабузан, В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719-1858 гг.) / В.М.Кабузан. – М., 1976.

⁵ Тимофеевко, В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века / В.И.Тимофеевко. – К., 1984.

⁶ Из относительно новых работ можно выделить книгу американской исследовательницы, опубликованную впервые в 1986 г.: Герлігі, П. Одеса. Історія міста, 1794-1914 / П.Герлігі; пер. з англ. Ю.Олійника. – К., 1999; а также статья: Сквирская, В. Одесса: «скользящий город» и ускользяющий космополитизм / В.Сквирская, К.Хэмфри. – Вестник Евразии. – 2007. – №1; также доступно из: <http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2007-1_skv.htm>.

⁷ Логика геокультурного конструирования в эпоху Просвещения на примере Восточной Европы фундаментально раскрыта в труде Ларри Вульфа. См.: Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л.Вульф; пер. с англ. И.Федюкина. – М., 2003.

⁸ Классически данная методология представлена в работе: Саид Эдвард, В. Ориентализм. Западные концепции Востока / В.Саид Эдвард; пер. с англ. А.В.Говорунова. – СПб., 2006.

⁹ Проблематика фронтальных или культур-контактных зон в контексте истории Российской империи постепенно занимает должное место в современной российской историографии. См., в частности, издания серии «Historia Rossica. Окраины Российской империи»: Западные окраины Российской империи. – М., 2006; Сибирь в составе Российской империи. – М., 2007; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007; а также: Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я.Резун, М.В.Шиловский. – Новосибирск, 2005.

¹⁰ По этой проблеме см., в частности: Дружинина, Е.И. Возникновение городов на Юге Украины и в США: общее и особенное / Е.И.Дружинина // Новая и новейшая история. – 1976. – № 2. – С. 69-76.

Надійшла до редколегії 08.10.2007